

Ключевым событием парижского осеннего кинематографического сезона стал выход на экраны заключительной ленты киноголоволомки Кшиштофа Кешльёвского «Три цвета: Голубой. Белый. Красный». Московские любители кино смогут увидеть этот фильм 20, 21, 28 и 29 сентября в посольстве Польши. Вход свободный.

Чуть меньше двадцати лет назад на Краковском фестивале короткометражных фильмов запомнилась картина «Большинство» с незапоминаемым в ту пору именем режиссера. Имя режиссера всплыло в памяти двумя годами позже, на XI Московском международном кинофестивале, где Кшиштоф Кешльёвский за фильм «Кинолюбитель» («Аматёр») получил и Золотой приз, и приз ФИПРЕССИ.

Редкое для любых киноманов единодушие кинотворцов и кинопрессы лучше всего свидетельствовало в пользу того, что в кинематограф, судя по всему, входит звезда европейской величины.

А когда на наши советские экраны друг за другом, в один месяц вышли его картины «Короткий фильм об убийстве» и «Короткий фильм о любви», оснований сомневаться в этом уже не оставалось. Окончательно Кшиштоф Кешльёвский убедил всех, кто он есть на самом деле, — ну не всех, конечно, а только тех, кто страдает телевизионной бессонницей, — когда наше доблестное ТВ все лучшее, что у него есть, припрятывало на худшее эфирное время.

Французско-польско-швейцарскую трилогию Кшиштофа Кешльёвского «Три цвета: Голубой. Белый. Красный», кажется, еще никому не довелось увидеть подряд, серия за серией. «Растасканная» на различные международные кинофестивали, она только успевала собирать награды — Золотой Лев святого Марка в Венеции, Серебряный Медведь в Берлине, признание в Канне.

Однако былого единодушия в оценке последней работы режиссера — а она в самом деле может стать последней, поскольку в том же Канне он заявил, что уходит из кино, — не наблюдается. Разбор мнений — от восторгов до раздражения. Что абсолютно нормально для истинного произведения искусства.

Думаю, большой натяжкой будет приравнять три цвета фильма к трем цветам французского флага. А почему не флага России? Или хотя бы Нидерландов? Это чисто формальный прием, по доминирующему окрасу каждой из лент: в «Голубом» — голубой, в «Белом» — белый, красный — в «Красном».

Практически ничем сюжетно не связанные фильмы трилогии можно смотреть слева направо, с середины, с конца, с начала. Они от этого ничего не теряют в своей самоценности и завершенности. Единственный объединительный мотив — то ли нищий, то ли нищенка в каждой из серий старательно и с трудом запикивает в мусоросборник порожнюю бутылку. Да в «Красном» вдруг

промелькнет реплика персонажа из «Белого» — поляка Кароля, который на своем бракоразводном процессе с французской женой Доминик в парижском дворце правосудия объясняет судьям, что незнание французского языка не должно ущемлять его человеческих и юридических прав.

Но лучше всего и точнее всего будет, если смотреть трилогию в той последовательности, в которой режиссер ее снимал, — «Голубой». «Белый». «Красный».

Герой «Голубого» — один из самых выдающихся композиторов нашего времени, как характеризуют его на собственных похоронах все друзья и враги, — погибает в первых же кадрах фильма. Автокатастрофа не пощадила и дочь. Остались незавершенные фрагменты его «Европейского концерта», который он писал по заказу Совета Европы и неотменимая премьера которого вот-вот должна поочередно состояться во всех двенадцати странах содружества.

Самый последний музыкальный эскиз, записанный на клочке изжеванного нотного листа, станет душераздирающим и душу укрепляющим лейтмотивом картины. Замечательная музыка Збигнева Прейснера строит свой параллельный сюжет.

Оставшись одна на всем белом свете (что проку в богадельне живущей матери, которая считает дочь давно умершей), Жюли не хочет жить, но не может и умереть. Пригоршня таблеток не решит никаких проблем — ни земных, ни небесных. С трудом, с колебаниями, с неверием она постепенно начинает осознавать, что должна завершить последнее творение Патрика.

Вы были любовницей моего мужа? — с болью спросит Жюли молодую служительницу Фемиды. (Именно здесь, во дворце правосудия, возникнет польская реплика из следующего, «Белого», фильма трилогии). Получив утвердительный ответ, узнав добавок, что у соперницы будет от Патрика сын, Жюли не находит в своем сердце места для гнева и ненависти. Раз будет сын, его сын, то ему надо дать его фамилию. И его дом. Во дворце правосудия творился нормальный процесс великодушия. И звучала

стей, может быть, более точное и подробное знание польских реалий делают ее наиболее привлекательной, занимательной да и просто понятной для российского зрителя.

А вот уже о «Красном», заключительном аккорде триптиха, этого уже не скажешь. В нем нет той ясной прозрачности, которой отличались «Голубой» и особенно «Белый». Несколько искусственно задуманная сюжетная конструкция тут же становится и заданной. Причудливый мир героев, некоторым из которых так и не придется свидеться, странные сюжетные изломы и обрывы, событийная недосказанность и незавершенность — все это держит внимание в неустанном напряжении и желании разобраться, кто кому и кем приходится. Валентина — ее играет хорошо известная у нас по фильму Эльдара Рязанова «Предсказание» Ирен Жакоб — знакома со своим другом только по телефону, они живут параллельной жизнью, пересекаясь только телефонными звонками. Как-то случайно она сбивает собаку и по адресу, указанному на ошейнике, доставляет раненое животное хозяину. Хозяин, бывший судья, не в восторге от своей находки. Как не в восторге от своей, но совсем иного рода находки и сама Валентина — она застаёт бывшего законника за профессиональным прослушиванием телефонных разговоров соседей.

Моральная нечистоплотность поступка для Валентины очевидна, и она сыграет не последнюю роль в том, чтобы остановить судейское беззаконие. Потом зачем-то возникает паром через Ла-Манш, его катастрофа, гибель многих людей и спасение совсем немногих, среди которых окажется и Валентина. Судья — его скупно и сдержанно играет Жан Луи Трентиньян — смотрит по телевизору телерепортаж с места события и с облегчением узнает среди спасенных людей Валентину.

Не риску утверждать, что «Красный» — неудача трилогии. Это, скорее всего и вернее всего, неполная удача, которая стоит дороже иных триумфов посредственности. А возможно, сработал элементарный механизм восприятия: когда в первых двух фильмах была заявлена недостижимая высота, то от третьего тоже хотелось ждать, чтобы он ее достиг.

Если Кешльёвский навсегда уйдет из кинематографа, это будет, бесспорно, большой потерей для искусства кино. Но искусство кино сможет довольствоваться счастьем, что он однажды пришел в кинематограф. И создал целый мир образов, киноязыковых понятий, нравственных оценок и нравственных запретов. Всем своим творчеством, всем своим мастерством и талантом он просто и доступно объяснял людям, что хорошо и морально, а что дурно и безнравственно. И чего делать нельзя ни при каких жизненных обстоятельствах — убивать, казнить, грабить, насиловать, совращать. Во всем остальном никто никому не судья.

Три цвета Кшиштофа Кешльёвского

гениальная музыка гениального композитора.

Во дворце правосудия шел бракоразводный процесс, по которому несчастному Каролю полагалось выметаться в свою родную Польшу — без денег, вещей, паспорта. Хотя в грузовом отсеке самолета, хоть в чемодане. Однако семидесятикилограммовый чемодан искушает варшавских таможенников — чем они хуже наших, шереметьевских? Разочаровавшись в живом грузе, они от обиды и горя избивают беднягу и бросают в чистом польском поле.

В чистом польском поле набравшийся капиталистического опыта Кароль находит огромное поле для своей новой и для него самого неожиданной деятельности. Он скупает земельные участки, ворочает сотнями и тысячами фунтов злотых, пишет посмертное завещание на имя по-прежнему горячо любимой Доминики, инсценирует собственную смерть, дожидается приезда вызванной другом-подельником Доминик и с нескрываемым интересом наблюдает из-за кладбищенской ограды, сколь велико горе безутешной его вдовы.

Головоломный сюжетный наворот, невероятность происходящих событий, непредсказуемый и непередаваемый польский юмор выводит «Белый», самую польскую картину трилогии, и в ряд ее самых лучших картин. Может быть, относительное сходство русской и польской ментально-